

Нормализация насилия: стратегия безопасности и современная форма «политического»

© Л.Л. Ломако, К.Г. Мальцев, А.В. Мальцева

Белгородский технологический университет им. В.Г. Шухова,
Белгород, 308012, Россия

Дискурс безопасности, понимаемый через нормализацию насилия, и политический лозунг цифровизации могут быть представлены как суть одно — в перспективе биополитики (в статье это — метафизическое понятие, по К. Шмитту) в виде формы, принятой современностью. Нулевой уровень насилия — цель политики безопасности — интерпретируется в либеральном варианте парадигмы политического (Дж. Агамбен) как легитимное системное насилие государства открытого доступа (Д. Норт); формы субъективного насилия и революционного/абсолютного насилия (В. Беньямин, С. Жижек) интерпретируются в горизонте пересекающегося консенсуса (Дж. Ролз) как заблуждение, рессентимент или злая воля и подлежат устранению посредством применения власти институтов (Ю. Эльстер). Предпринятый в статье социально-философский анализ нормализованного насилия доказывает его конститутивность для политического сообщества и проявляется в форме решения, полагающего конец бесконечной дискуссии, и инструмента обеспечения безопасности, понимаемой через создание нормальных условий воспроизводства и функционирования человеческого капитала как фактора либерального экономического порядка; безопасность есть самообеспечение наличной данности субъекта властью-управлением¹. Сделан вывод, что расчеловечивание человека в «человеческий капитал» есть необходимое следствие утверждения новоевропейского субъекта как историографического животного, встроенного в машину, в современности, определенной идеей техники и ставшей биополитикой.

Ключевые слова: безопасность, нормализация насилия, нулевой уровень насилия, биополитика, государство открытого доступа, современность, техника, субъект

Безопасность, наряду с цифровизацией, стала одним из главных политических лозунгов современности, причем в *определенной* перспективе, а именно в *биополитике* (М. Фуко [1], Дж. Агамбен [2, 3]) как *инновационной* форме, которую приняла *современность* (М. Хайдеггер), они не просто связаны, но, по сути, *есть одно*. Выявить эту перспективу возможно, если двигаться по путеводной нити высказываний Хайдеггера, относящихся к 30-м годам XX в. Выясняется, что одержимость безопасностью есть одна из характерных черт того, что Хайдеггер называет современностью, причем существенно связанная

¹ Это определение, основывающееся на утверждениях М. Хайдеггера, будет удерживаться нами в качестве «горизонта смысла» при истолковании различных версий понимания безопасности.

с мечтой о цифровизации: «Новоевропейский человек нацеливает сохранение своей сущности на то, чтобы однажды стать частью машины и на службе по обеспечению целесообразности и расчета ее работы обрести свою дающуюся без труда безопасность, свои побуждения и свою похоть» [4, с. 416]. Безопасность, таким образом, полагается достижимой именно на пути цифровизации как предельном «расчеловечивании»: «Человек, одержимый безопасностью, должен это ближайшее к его сокровенной сущности постоянно преодолевать» [5, с. 176–187]; но, утверждает Хайдеггер, «всякая безопасность имеет странную “тенденцию”: отторгать обезопасенного от того, от чего она защищает и что она охраняет, и тем самым притуплять его пустоту, каковое состояние производит впечатление надежности, хотя на самом деле оно хуже, чем небезопасность, — это просто разрушение бытия» [4, с. 25]. Конечно, современный дискурс безопасности выстраивается *вне* обозначенной перспективы: он претендует быть *научным*, а не *философским*. Нашей задачей является показать, что он, таким образом, остается «для себя темным» и что философское истолкование, даже если оно не достигает бытийно-исторического мышления, все равно единственно способно *раскрыть смысл*, обнаружить *основоположения* и выявить обусловленный ими *способ связности* дискурса безопасности². Речь, таким образом, идет не о технических мерах обеспечения безопасности, с которыми любой современный человек сталкивается на каждом шагу, а о *нормализации насилия* как *стратегии* безопасности.

Насилие³ есть конститутив любого общества, даже с самой последовательно либеральной точки зрения. Х. Хофмайстер, которому принадлежит философское исследование насилия, утверждает, что государство как политическая форма общества образуется «путем преобразования насилия во власть» [6, с. 89], но «там, где отказывает власть, на ее место снова заступает насилие, ведь оно возникает от бессилия и таким образом ведет к закату политики» [6, с. 91]. Власть нужно использовать, она есть, только когда используется. Политика как искусство обращения с властью есть некая среда существования государства. Хофмайстер постоянно подчеркивает, что «не меч, а слово — орудие ее силы; с его помощью политика формирует совместную жизнь граждан» [6, с. 166], и лишь потому, что, «будучи порождена насилием, она прячет за спиной меч, всегда готовая воспользо-

² О различении «понятия» и «дискурса», когда речь идет о политическом, авторы подробно пишут в статье [7].

³ Самое общее философское определение насилия: способность побуждать к действиям, которые бы не совершились из самоопределения автономного субъекта (индивида, группы); дальнейшие уточнения и спецификации, типологии насилия, как правило, осуществляются в перспективе приведенного философского определения.

ваться угрозой, — и в частности, угрозой применения насилия, — в деле проведения ее собственных требований и законов» [6, с. 166]. Хофмайстер, будучи философом, готов даже забыть о том, что исключение конституирует область правила, что в его рассуждении власть — это прежде всего насилие, которое задает возможную область для использования речи. Насилие — это граница, определяющая область действительности аргументов. И лишь только в одном случае демократия, пишет он, способна обеспечить гомогенность индивидов [6, с. 241], т. е. в случае установившейся и окончательной существенной гомогенности индивидов, по-видимому, отпадает надобность в насилии, но он знает (и ссылается при этом на Канта и Гегеля), что это не так: окончательная гомогенность означает тотальную власть. Вывод о прямом насилии как свидетельстве бессилия политики при установившемся государственном политическом порядке Хофмайстер формулирует так: «Подменяя слова физическим насилием, политика подходит к границам своих возможностей, но это отнюдь не возврат в до-политическое состояние» [6, с. 166]. Конечно, «не считающееся с жизнью применение насилия при определенных обстоятельствах может продемонстрировать решимость и придать словам убедительности» [6, с. 166, 167], но, утверждает Хофмайстер, «делается это ради правопорядка, когда силой необходимо добиться его соблюдения» [6, с. 167]. Хотя не исключена еще одна возможность, свидетельствующая как раз о бессилии политики: «Замена слов насилием может означать войну, а в особом случае — случае внутреннего конфликта — войну гражданскую, ибо на место аргумента заступает оружие, а оно может непосредственно лишь убивать, а не убеждать» [6, с. 167].

Это властное, или системное, насилие рассматривается как нулевой уровень насилия. Под *нормализацией насилия*, таким образом, понимается монополия государства на применение физического насилия (определение М. Вебера [8, с. 645]) и тем самым исключение других форм насилия — субъективного и революционного насилия (классификация С. Жижека [9]).

Авторы работы «Насилие и социальные порядки» Д. Норт, Дж. Уоллис, Б. Вайнгаст утверждают, что «все общества сталкиваются с проблемой насилия... Независимо от того, насколько люди predisposed к насилию генетически, возможность применения насилия со стороны некоторых индивидов представляет важнейшую проблему для группы. Ни одно их обществ не решило эту проблему путем устранения насилия; в лучшем случае его можно сдерживать или пытаться им управлять» [10, с. 56]. Вообще, «насилие проявляется в разных измерениях. Насилие может быть выражено в физических действиях или угрозах совершения физических действий. И акты насилия, и принуждение являются элементами насилия. Отноше-

ния между актами насилия и принуждением включают в себя представления о действиях других — мы уделяем большое внимание тому, насколько угрозы насилия убедительны, а также условиям, при которых применение физического насилия последует со стороны других индивидов или государства» [10, с. 57]. Однако «насилие может быть действием одного человека или действием организованных групп — от банд до армий. Поскольку угрозы насилия могут быть использованы для ограничения действительного применения физического насилия, не существует простого способа измерения уровня насилия в обществе» [10, с. 57]. Собственно, по мнению авторов, и свершившееся, и потенциальное насилие, существующее только как угроза, влияет на человека в любом случае, поэтому в своем исследовании они рассматривают также частоту применения физического насилия. «Но в большинстве случаев наша концепция насилия охватывает как угрозы, так и действия. Мы стремимся определить, приводит ли рассеянный контроль над насилием к угрозам его применения, играя центральную роль в социальном порядке, или контроль над насилием консолидирован и потому многие отношения осуществляются без угрозы насилия» [10, с. 57]. Таким образом, речь идет не о ликвидации насилия, а о его перераспределении, возможно исключении некоторых его форм и прежде всего об управлении насилием таким образом, чтобы обеспечить в обществе расширение областей, где непосредственное насилие может не применяться. Различая порядки открытого и закрытого доступа (к созданию организаций, а в конечном счете гражданского общества) и утверждая, что только открытый доступ обеспечивает надлежащее распределение и управление насилием, Норт, Уоллис и Вайнгаст полагают, что в современных либеральных государствах как раз и возможен нулевой уровень насилия. Авторы утверждают, что «порядки открытого доступа контролируют насилие с помощью иной логики, чем естественные государства... Эти общества создают мощные, консолидированные военные и полицейские организации, подвластные политической системе. Все общества открытого доступа соответствуют веберовскому допущению: их государства обладают монополией на легитимное применение насилия» [10, с. 69]. Это предполагает особую систему контроля над государством, — опять известная либеральная идея, — чтобы не допустить произвола и злоупотреблений; «в результате логика контроля над насилием в порядке открытого доступа предполагает три элемента: 1) консолидированная организация военных и полицейских сил подчинена контролю политической системы; 2) политическая система должна быть ограничена набором институтов и стимулов, ограничивающих нелегитимное применение насилия; 3) для того чтобы политическая фракция или

партия оставалась у власти, она должна обладать поддержкой широко определенных экономических и общественных интересов» [10, с. 69], т. е. открытый доступ осуществляется в либеральном ограниченном государстве (в государстве законодательства или государстве управления, если иметь в виду шмиттовскую классификацию [11], это не релевантно), которое описывал еще Вебер как появляющееся и более всего похожее на фабрику. Здесь мы имеем дело с еще одним теоретическим осуществлением: политическое без остатка растворяется в экономическом, т. е. в управлении конкурирующими интересами, либеральный проект получает систематическое теоретическое завершение: «Открытый доступ в экономической системе защищает политическую системы от манипулирования экономическими интересами и гарантирует смену власти в случае злоупотребления контролем над вооруженными силами со стороны политической группы» [10, с. 70]. Разумеется, «эти три элемента государственной монополии на насилие должны быть развиты в институциональных рамках, которые делают достоверными обязательства об ограничении применения насилия и поддержании открытого политического и экономического доступа» [10, с. 70]. Контроль над насилием «в более широком обществе осуществляется путем сдерживания — угрозы наказания со стороны государства, а также лишения негосударственных организаций, применяющих насилие, доступа к оказанию организационной поддержки» [10, с. 70]. Ограничение насилия обеспечивается еще и тем, что «способность политических акторов использовать организованную военную или полицейскую силу для принуждения индивидов ограничена способностью экономических и других акторов конкурировать за политический контроль» [10, с. 70]. Норт, Уоллис и Вайнгаст утверждают, что, «будучи включенными в конституционное устройство с институтами, которые обеспечивают надежные стимулы, защищающие различные права, открытый доступ и демократическая конкуренция препятствуют нелегитимному использованию насилия» [10, с. 71], т. е. насилие наконец нормализуется. Конечно, это не означает его исчезновения, власть по-прежнему уполномочена применять насилие в случае отклонений, но (это полагается главным) там, где открыта возможность для конкуренции интересов, непосредственное насилие не применяется; в общем «насилие укрощено», по словам Хофмайстера.

Либеральное понимание управляемого, или укрощенного, насилия разворачивается в контексте основополагающего утверждения либеральной метафизики (как бесконечной дискуссии) о конститутивном значении перекрывающегося консенсуса [12] для либерального государства. Классическое описание такого консенсуса дал Дж. Ролз: предполагается несомненным, что между сторонником ис-

лама и кальвинистом в повседневном совместном существовании больше общего, чем того, что их разделяет. Более того, это общее и есть самое главное, т. е. именно политическое, а фундаментальные истины (как и предмет веры, например) к политическому не относятся. Ф.Р. Анкерсмит описывает такой консенсус как постепенно расширяющуюся область согласия: «Мы начинаем со “всеобъемлющих доктрин” (кальвинизм, кантианство и так далее) и анализируем практические возможности их мирного сосуществования; после чего мы используем найденный компонент общности как (1) основание для достижения дальнейшего соглашения и (2) как исходную позицию в рамках каждой из этих “всеобъемлющих доктрин” для убеждения ее приверженцев в том, что эту общность следует признать выражением политической справедливости. Говоря метафорически, предложенная процедура скорее “горизонтальна”, чем “вертикальна”. Ролз называет ее процедурой “перекрывающегося консенсуса”» [12, с. 245, 246]. Однако базовое согласие относительно либеральных ценностей — толерантности, свободы мысли или гражданской свободы не могут быть предметом торга [13, с. 250]. Ю. Эльстер пишет, что бесконечная дискуссия, не затрагивающая базовых ценностей, тем не менее должна завершиться *принятием решения*, и тогда «“институты” должны применить имеющееся в их распоряжении “могущество”» [14, с. 32–35], т. е. *нормальное насилие*.

Субъективное насилие, о котором обычно идет речь, когда говорят о насилии, «воспринимается в качестве такового лишь на фоне ненасильственного нулевого уровня... Оно кажется нарушением “нормального”, мирного положения вещей. Но объективное насилие как раз и являет собой насилие, присущее этому “нормальному” положению вещей. Объективное насилие невидимо, поскольку оно поддерживает тот самый стандарт нулевого уровня, благодаря которому мы воспринимаем нечто как субъективное насилие. Таким образом, системное насилие представляет собой некое подобие пресловутой “темной материи” в физике, дополнение слишком зримого субъективного насилия. Оно может быть невидимым, но оно необходимо для того, что в противном случае кажется “иррациональной” вспышкой субъективного насилия» [10, с. 6].

Субъективное насилие как *криминальное насилие* в общем виде *управляется* посредством полицейских мер и становится политической проблемой только в связи с *масштабом*. З. Бауман утверждает, что насилие иногда является единственным способом исключенных заявить о себе и служить помехой существующему репрессивному порядку [15, с. 178], когда глобализирующийся порядок меняет по своему усмотрению локальные правила, и преступность отождествляется «с (неизменно местными) “деклассированными элементами”

или, что в общем одно и то же, криминализации бедности. Наиболее распространенные категории преступников, “выставленных” на всеобщее обозрение, почти исключительно относятся к “низам” общества. Городские гетто и неблагополучные районы рассматриваются как инкубаторы преступности и преступников. А если взглянуть под другим углом, то источники преступности (которая по-настоящему волнует всех, т. е. рассматривается как угроза личной безопасности) имеют исключительно местный, локализованный характер» [15, с. 177]. Политика нормализации насилия социологически может быть интерпретирована так: «Весь судебный-полицейский процесс, кульминацией которого становится тюремное заключение, в некотором смысле представляет собой один долгий и жестко структурированный ритуал символической “отбраковки” и физического исключения из общества. Отбраковка и исключение носят намеренно унижительный характер; их цель — заставить отбракованных/исключенных смириться со своим социальным несовершенством и неполноценностью» [15, с. 178]. В этой ситуации «неудивительно, что жертвы этого процесса оказывают сопротивление. Вместо того чтобы покорно смириться со статусом отверженных и превратить официальную “отбраковку” в самоуничтожение, они предпочитают отвергать тех, кто их отвергает» [15, с. 178]. В мире, «где безопасности становится все меньше вследствие прежде всего “экономической неопределенности” и “игры рыночных сил”, возникает сильное искушение укрыться в “тихой гавани”» [15, с. 166] закрытого пространства, «ответственные правительства не могут обещать и определенности: уже предрешенным считается тот факт, что им придется поступиться свободой действий, отдав ее на откуп “рыночным силам” с их пресловутой сумасбродностью и непредсказуемостью, — приобретя экстерриториальность, эти силы теперь находятся далеко за пределами досягаемости безнадежно “местных” правительств. Однако возможность делать что-то или изображать кипучую деятельность в сфере борьбы с преступностью, угрожающей личной безопасности людей, вполне реальна, — к тому же это великолепный предвыборный ход» [15, с. 167]. Таким образом, «любые меры в области безопасности выглядят ярче, зрелищнее, “телевизионнее”, чем шаги, направленные на излечение глубинных, но — по этой же причине — не столь очевидных и, как представляется, менее конкретных причин заболевания. Борьба с преступностью, как и сама преступность, особенно преступления против личности и частной собственности — это отличное, интересное, необычайно зрелищное представление» [15, с. 167], и «правительства могут вздохнуть с облегчением: никто, или почти никто не потребует от них реальных действий в вопросах, которые они просто не способны охватить и удержать под контролем — слишком коротки и слабы их

руки. Никто не обвинит правительства в том, что они бездействуют в конкретных вопросах, беспокоящих людей — ведь по телевидению ежедневно показывают документальные репортажи и драматические постановки, “документальные сюжеты” и тщательно отрежиссированные драмы, замаскированные под документальные репортажи, где рассказывается о новом, усовершенствованном вооружении полиции, о высокотехнологичных тюремных замках, сигнализации против взломщиков и автоугонщиков, о молниеносных и сокрушительных ударах по преступности, о доблестных сотрудниках служб безопасности и детективах, рискующих жизнью ради нашего спокойствия» [15, с. 168].

Однако гораздо важнее для стратегии безопасности как нормализации насилия справиться с террористическим и революционным насилием. Терроризм, например, можно представить как своего рода рессентимент, попутно также либо криминализовав его, либо объявив врагом, и вести против него антитеррористическую войну. Либерализм допускает обе возможности. Здесь важно всегда *национально* или *религиозно* окрашенное террористическое насилие представить как *бесосновательное*: религиозная и национальная идентичность *акцидентальны*, и связанные с ними интересы по сути не антагонистичны, но конкурентны, и консенсус (или компромисс), *всегда достижим*. Причиной насилия здесь является либо злая воля, либо простой недостаток политической культуры. Причем, утверждает Жижек, «критики, которые сетуют на то, что в сегодняшнем гедонистически-эгоцентрическом обществе явно недостает истинных ценностей, упускают главное: подлинной противоположностью эгоистическому себялюбию является не альтруизм, забота об общем благе, а зависть, рессентимент, которые заставляют меня действовать вопреки собственным интересам. Об этом было известно уже Фрейдю: влечение к смерти противоположно принципу удовольствия и принципу реальности, т. е. подлинное “Зло” (влечение к смерти) связано с причинением вреда самому себе, оно заставляет нас действовать вопреки своим интересам» [9, с. 71]. «Все самопожертвование и коллективизм, которые наблюдаются у террористов, — следствие именно рессентимента: субъективно они “осмыслены” и даже “одухотворены”; “со стороны”, с точки зрения либерального культурного европейца — иррациональны и преступны; а “на самом деле” их следует интерпретировать как пресловутый рессентимент: у террористов отсутствует черта, по которой легко опознаются все подлинные фундаменталисты от тибетских буддистов до американских амишей, а именно — отсутствие рессентимента и зависти, глубокое безразличие к образу жизни неверующих... В отличие от настоящих фундаменталистов террористы-псевдофундаменталисты глубоко озабочены, заинтригованы и зачарованы греховной жизнью неверующих. Чувствуется, что

в борьбе с греховным другим они борются со своими собственными соблазнами. Именно поэтому так называемые христианские или мусульманские фундаменталисты позорят подлинный фундаментализм» [9, с. 70].

Антитеррористическая война как специфический способ нормализации насилия — особая тема, которая требует специального рассмотрения. То же относится и к революционному, или в терминологии В. Беньямина [16] к абсолютному, насилию, которое в либеральной мысли чаще всего *отождествляется* с террористическим.

Однако все сказанное выше — лишь один аспект политики безопасности как нормализации насилия. Суть проблемы в другом: современный *нормальный* политический порядок, с его легитимным насилием нулевого уровня, с некоторой точки зрения представляется и тотально, и брутально насильственным. Агамбен в работе «*Номос sacer. Суверенная власть и голая жизнь*» демонстрирует, *как и почему* это *так*. Его вывод сводится к следующему. В отличие от «понятия политического» К. Шмитта, определяемого через экзистенциальное противостояние друг/враг, решение о котором принимается сувереном, Агамбен настаивает, что «фундаментальной категориальной парой западной политики является не оппозиция друг/враг, а голая жизнь/политическое существование, *zoè/bios*, исключение/включение. Политика существует потому, что человек — живое существо, которое отделяет от себя и противопоставляет себе посредством языка свою собственную голую жизнь и в то же время остается связанным с ней через включающее исключение» [2, с. 15]. Захват политикой голой жизни, в условиях которого мы живем, называется биополитикой (термин, введенный М. Фуко в середине 70-х годов XX в.).

В процессе исследования отношений между названными феноменами Агамбен приходит к трем выводам: во-первых, «в основе политических отношений лежит отвержение или исключение (чрезвычайное положение как пространство неразличия между внешним и внутренним, исключением и включением)» [2, с. 230]; во-вторых, «фундаментальное действие суверенной власти — это порождение голой жизни как первоначального политического элемента и как рубеж между природой и культурой, *zoé* и *bios*» [2, с. 230]; в-третьих, «именно лагерь, а не город сегодня является биополитической парадигмой Запада» [2, с. 230].

Агамбен утверждает (и это, как мы видели, не его исключительное мнение, Бауман, например, пишет про то же), «что именно чрезвычайное положение как фундаментальная политическая структура в наше время все больше и больше выходит на первый план и стремится к тому, чтобы в конечном счете стать правилом. Когда наше время попыталось дать этому нелокализуемому видимую и постоянную ло-

кализацию, результатом стал концентрационный лагерь. Не тюрьма, а именно концлагерь является в действительности пространством, которое соответствует этой первоначальной структуре номоса» [2, с. 29]. Кризис старого номоса земли «обнажил это пространство исключения, в котором связь между локализацией и порядком окончательно разорвана» [2, с. 29]. Агамбен указывает на какую-то особенную легкость перехода от демократии к деспотии и обратно; он утверждает, что в онтологической основе демократия и тоталитаризм суть одно — определяемое биополитикой: «Связь между массовой демократией и тоталитарными государствами не может быть понята (по-видимому, вслед за Шмиттом так же считает и Левит) как внезапный переворот — прежде чем стремительно выбиться на поверхность посреди нашего века, поток биополитики, увлекающий за собой жизнь homo sacer, тек хотя и скрыто, но непрерывно» [2, с. 155]. Философ объясняет это тем, что «в буржуазных демократиях подобные притязания голой жизни приводят к главенству частного над публичным, личных свобод над общими обязанностями, а в тоталитарных государствах, наоборот, становятся важнейшим политическим критерием и идеальным пространством для решений верховной суверенной власти. Лишь исходя из того, что биологическая жизнь с ее потребностями повсюду стала ключевым политическим аргументом, можно понять ту парадоксальную скорость, с которой парламентские демократии в XX веке превратились в тоталитарные государства, а тоталитарные государства — почти безболезненно трансформировались в парламентские демократии» [2, с. 155]. Лагерь есть номос и матрица политического пространства, в котором мы живем: «То, что происходило в лагерях, настолько превосходит юридические представления о преступлении, что специфическая политико-юридическая структура, в которой оформились эти явления, зачастую просто-напросто не учитывается. Лагерь — это лишь место, где осуществилось самое радикальное *conditio inhumana*, когда-либо бывшее на земле: в конце концов, именно это имеет значение как для жертв, так и для потомков» [2, с. 211]. Изучая этот вопрос, философ предлагает пойти от обратного: «Вместо того чтобы выводить определение лагеря из событий, там произошедших, мы скорее зададимся вопросом: что такое лагерь, какова его политико-юридическая структура, отчего подобные события могли там произойти? Такой подход приведет нас к анализу лагеря не как исторического факта или аномалии, относящейся к прошлому (даже если, вероятно, все еще встречающейся), но в определенном смысле как скрытой матрице, номосу политического пространства, в котором мы живем» [2, с. 211].

Таким образом, политика безопасности и нормализация насилия, лагерь как скрытая матрица и номос политического пространства, в котором мы живем, — это и есть *политическая суть современности*.

Философское истолкование сути того, что в данной статье названо нормализацией насилия, определяет следующий шаг исследования: интерпретацию данного представления в горизонте *понятия современности* Хайдеггера, т. е. истолкование *необходимости* представления.

Здесь возможно ограничиться кратким определением перспективы, в котором раскрывается, по Хайдеггеру, сущность того, что он называет современностью: современность есть специфический способ, каким новоевропейский субъект в качестве историографического животного⁴ *устраивается в действительности*, определенной *идеей техники*. Нужно увидеть современность в некоторой перспективе. Для Хайдеггера в 30-е годы XX в. представлялось почти очевидным, что «современная европейская эпоха является началом решающего периода Нового времени: развития его сущности в этом свойственном ей гигантизме и неизбежности всех областей сущего как устроенный махинационной сути Бытия: началом самой длинной и продолжительной паузы европейской истории перед гибелью-нисхождением к другому началу» [18, с. 528]. Хайдеггер пишет: «Завершение Нового времени состоит в том, что человек всецело осознает себя «субъектом» и прежде всего так и действует, — полнота субъективного заключается, однако, вовсе не в «индивидуализме», а в том, что человек со всем имеющимся у него в распоряжении и собственным сводит все человеческое общность и унаследованную человечность — в лежащее в основе всех оценок и планов и реализаций и дает возможность заложить в основу меру и цель и планирование как область» [4, с. 431, 432]. Человек «везде утверждает себя как этот Subjektum» [4, с. 432]. Эта безусловная одержимость субъективным, по Хайдеггеру, «должна уметь выдавать себя за “самое объективное”, — ведь “объективность” подразумевает не что иное, как не знающую исключений обязательность субъективного, которая защищает и утверждает себя через безусловное требование безвопросности человечности. Поскольку посредственное и не имеющее решения является самым неопасным (am ungefährlichsten ist), оно остается также самым неподверженным опасности (Ungefährdetste), — вот почему оно по праву обеспечивает себе виды на самую долгую продолжительность и может раньше всего предъявить претензию на “вечность”. И если уж когда-нибудь всецело возобладает привычка к посредственному, то, вероятно, восторжествует обеспечение жизни (Lebenssicherung)» [4, с. 431, 432], т. е. *политика безопасности*.

⁴ Это понятие Хайдеггера определяет новоевропейского субъекта в его социально-историческом бытии как центр сущего как *налично данного*; это близко к тому, что Ф. Ницше разумел под последним человеком; подробнее об этом мы пишем в книге «Понятие политического и “мировой беспорядок”: перспективы согласия, войны и глобального имперского порядка» [17].

Итак, обеспечение жизни, безвопросность — это и есть *безопасность*, и она осмысливается из самой сути субъективности. В современности происходит «безусловное разложение и разрушение всего предшествующего» [4, с. 440–447], при этом «не замечают, что в разложении и разрушении сущностным является не простое устранение до сих пор значимого, но безусловность, рассчитываемость, планируемость и внутренняя изменчивость самого процесса разрушения. Иными словами: сущность сущего — махинационность (*das Machenschaftliche*) как таковая и ее безусловная законность определяют то, что есть» [4, с. 440–447]. Техника как *идея* есть суть современности как такого разрушения; «техника не то же, что сущность техники» [19, с. 221]; «сущность техники вовсе не есть что-то техническое» [19, с. 221]; выведение из потаенности, которым захвачена современная техника, «носит характер предоставления в смысле добывающего производства. Извлечение, переработка, накопление, распределение, преобразование — виды выведения из потаенности. Это выведение, однако, не просто идет своим ходом. Оно и не растекается в неопределенности. Техническое раскрытие потаенного раскрывает перед самим собой свои собственные сложно переплетенные процессы тем, что управляет ими. Управление со своей стороны стремится всесторонне обеспечить само себя. Управление и обеспечение делаются даже главными чертами про-из-водящего раскрытия» [19, с. 227].

Безопасность, таким образом, есть обеспечение самого себя; в сущности техники и определяемой ей современности — махинация: «Новоевропейский человек нацеливает сохранение своей сущности на то, чтобы однажды стать частью машины и на службе по обеспечению целесообразности и расчета ее работы обрести свою дающуюся без труда безопасность, свои побуждения и свою похоть. Это внедрение в машинную сущность — не что существенно иное, чем простое использование “технических” возможностей; здесь происходит крайнее уподобление сущности человека расчетливости (*Rechenhaftigkeit*) сущего. Именно с помощью всего этого дух (т. е. рассудочность и расчетливость животности) и приходит к своей высшей власти» [4, с. 416]. Хайдеггер спрашивает: «В какой вид опьянения растущая мания цифр (*Zahlen-Rausch*) вырождается в конечном счете?» [5, с. 284], в том числе в политику безопасности: «Человек идет вперед, и все большие массы разделяют убеждение, что они продвигаются вперед; и наконец повсюду возникает только суета и недоверие и вооружение и принятие мер предосторожности и никто не знает, для чего, — но что-то происходит само собой и выглядит так, будто это и есть “жизнь”» [4, с. 275]. Человек «расчеловечился» в «человеческий капитал» (см. подробнее [20]) как фактор биополитического производства жизни, — именно «человеческий капитал» и есть *цель* поли-

тики безопасности, а нормализация насилия, по Бауману, имеет смысл как *обеспечение функционирования и воспроизводства* человеческого капитала: только так становятся *понятны* «меры безопасности». Разумеется, этот горизонт осмысления или *неизвестен*, или *отвергается* в современном либеральном, *по сути*, научном социально-политическом знании; впрочем, это как раз естественно: «Простейшее философское познание в эпоху завершенного Нового времени — это знание, что и почему философия должна была сделаться невозможной и для этой эпохи остается ненужной» [4, с. 431].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Фуко М. *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*. Санкт-Петербург, Наука, 2011, 544 с.
- [2] Агамбен Д. *Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. Москва, Европа, 2011, 256 с.
- [3] Агамбен Д. *Ното sacer. Чрезвычайное положение*. Москва, Европа, 2011, 148 с.
- [4] Хайдеггер М. *Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939)*. Москва, Изд-во Института Гайдара, 2018, 528 с.
- [5] Хайдеггер М. *Размышления XII–XV (Черные тетради 1939–1941)*. Москва, Изд-во Института Гайдара, 2020, 344 с.
- [6] Хофмайстер Х. *Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат*. Санкт-Петербург, Гуманитарная Академия, 2006, 288 с.
- [7] Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Несколько замечаний по поводу «новизны» дискурса «новой войны»: «инновации» и традиция. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*, 2020, № 4, с. 70–80.
- [8] Вебер М. Политика как призвание и профессия. В кн.: *Избранные произведения*. Москва, Прогресс, 1990, с. 644–706.
- [9] Жижек С. *О насилии*. Москва, Европа, 2010, 184 с.
- [10] Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. Москва, Изд-во Института Гайдара, 2011, 480 с.
- [11] Шмитт К. Легальность и легитимность. В кн.: *Государство: Право и политика*. Москва, Территория будущего, 2013, с. 221–306.
- [12] Rawls J. *Political Liberalism*. New York, Columbia university press, 1996, 525 p.
- [13] Анкерсмит Ф.Р. *Политическая репрезентация*. Москва, Издательский дом Высшей школы экономики, 2012, 288 с.
- [14] Эльстер Ю. *Кислый виноград: Исследование провалов рациональности*. Москва, Изд-во Института Гайдара, 2018, 296 с.
- [15] Бауман З. *Глобализация. Последствия для человека и общества*. Москва, Весь Мир, 2004, 188 с.
- [16] Benjamin W. Zur Kritik der Gewalt. Vol. 2.1. *Gesammelte Schriften*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1972–1989.
- [17] Мальцев К.Г., Мальцева А.В., Ломако Л.Л., Алавердян А.Л. *Понятие политического и «мировой беспорядок»: перспективы согласия, войны и глобального имперского порядка*. Белгород, Изд-во БГТУ им. В.Г. Шухова, 2020, 914 с.

- [18] Хайдеггер М. *Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938)*. Москва, Изд-во Института Гайдара, 2016, 584 с.
- [19] Хайдеггер М. Вопрос о технике. В кн.: *Время и бытие: Статьи и выступления*. Москва, Республика, 1993, с. 221–238.
- [20] Мальцев К.Г., Мальцева А.В. «Человеческий капитал» как концепт биополитики: опыт философского истолкования. *Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. Экономика. Социология. Менеджмент*, 2020, № 5, с. 220–233.

Статья поступила в редакцию 03.12.2020

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Ломако Л.Л., Мальцев К.Г., Мальцева А.В. Нормализация насилия: стратегия безопасности и современная форма «политического». *Гуманитарный вестник*, 2020, вып. 6. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2020-6-690>

Ломако Леонид Леонидович — старший преподаватель кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета им. В.Г. Шухова. e-mail: ramenid@bk.ru

Мальцев Константин Геннадьевич — д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры «Теория и методология науки» Белгородского технологического университета им. В.Г. Шухова. e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Мальцева Анна Викторовна — канд. полит. наук, доцент кафедры «Теория и методология науки» Белгородского технологического университета им. В.Г. Шухова. e-mail: pavic69@mail.ru

Normalizing violence: a security strategy and a contemporary form of the “political”

© L.L. Lomako, K.G. Maltsev, A.V. Maltseva

Belgorod State Technological University named after V.G. Shokhov,
Belgorod, 308012, Russia

The discourse of security as a normalization of violence and the political slogan of digitalization can be presented as the essence of one thing — in perspective of biopolitics, which is a metaphysical concept in the paper, according to C. Schmitt, as a form adopted by the modernity. Zero level of violence, which is the goal of security policy, is interpreted in the liberal version of the political paradigm (G. Agamben) as legitimate systemic violence of the open access state (D. North); forms of subjective violence and revolutionary / absolute violence (W. Benjamin, S. Žižek) are interpreted in the horizon of intersecting consensus (J. Rawls) as delusion, resentment or ill will and must be eliminated through the use of the power of institutions (J. Elster). The socio-philosophical analysis of normalized violence undertaken in this study proves its constituency for the political community and manifests itself in the form of a solution that puts an end to endless discussion, and an instrument for ensuring security, understood through the creation of normal conditions for the reproduction and functioning of human capital as a factor of the liberal economic order; security is self-sufficiency of the subject's present givenness by power-control. It is concluded that the dehumanization of a person into "human capital" is a necessary consequence of the establishment of the new European subject as a historiographic animal built into a machine, in modern times, which is defined by the idea of technology and become biopolitics.

Keywords: security, normalization of violence, zero level of violence, biopolitics, open access state, modernity, technology, subject

REFERENCES

- [1] Foucault M. *Sécurité, territoire, population*, Paris, Gallimard, Seuil, 2004, 448 p. [In Russ.: Foucault M. Bezopasnost, territoriya, naselenie. Kurs lektsiy, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1977–1978 uchebnom godu. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, 544 p.].
- [2] Agamben G. *Homo sacer. Sovereign power and bare life*. Stanford, California, Stanford University Press, 1998, 228 p. [In Russ.: Agamben G. Homo sacer. Suverennaya vlast i golaya zhizn. Moscow, Evropa Publ., 2011, 256 p.].
- [3] Agamben G. *Homo sacer. State of Exception (Stato di eccezione)*. University of Chicago Press, 2005, 104 p. [In Russ.: Agamben G. Homo sacer. Chrezvychaynoe polozhenie. Moscow, Evropa Publ., 2011, 148 p.].
- [4] Heidegger M. *Ponderings VII–XI (Black Notebooks 1938–1939)*. Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 2017, 370 p. [In Russ.: Heidegger M. Razmyshleniya VII–XI (Chernye tetradi 1938–1939). Moscow, Izd. Inst. Gaydara Publ., 2018, 528 p.].
- [5] Heidegger M. *Ponderings XII–XV (Black Notebooks 1939–1941)*. Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 2017, 238 p. [In Russ.: Heidegger M. Razmyshleniya XII–XV (Chernye tetradi 1939–1941). Moscow, Izd. Inst. Gaydara Publ., 2020, 344 p.].
- [6] Hofmeister H. *Der Wille zum Krieg oder die Ohnmacht der Politik*. Vandenhoeck und Ruprecht Verlag, Göttingen 2001, 160 p. [In Russ.:

- Hofmeister H. Volya k voyne, ili Bessilie politiki. Filosofsko-politicheskiy traktat. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2006, 288 p.].
- [7] Lomako L.L., Maltsev K.G. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii — Intellect. Innovation. Investments*, 2020, no. 4, pp. 70–80.
- [8] Weber M. *Politik als Beruf*. Anaconda Verlag, 2014, 96 p. [In Russ.: Weber M. Politika kak prizvanie i professiya. In: *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 644–706].
- [9] Žižek S. *Violence: six sideways reflections*. New York, Picador, 2008, 272 p. [In Russ.: Žižek S. O nasilii. Moscow, Evropa Publ., 2010, 184 p.].
- [10] North D., Wallis J., Weingast B. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge University Press, 2013, 346 p. [In Russ.: North D., Wallis J., Weingast B. Nasilie i sotsialnye poryadki. Kontseptualnye ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovechestva. Moscow, Izd. Inst. Gaydara Publ., 2011, 480 p.].
- [11] Schmitt C. *Legality and legitimacy*. Duke University Press Books, 2004, 216 p. [In Russ.: Shmitt C. Legalnost i legitimnost. In: *Gosudarstvo: Pravo i politika*. Moscow, Territoriya buduschego Publ., 2013, pp. 221–306].
- [12] Rawls J. *Political Liberalism*. New York, Columbia University Press, 1996, 525 p.
- [13] Ankersmit F.R. *Political Representation*. Stanford University Press, 2002, 280 p. [In Russ.: Ankersmit F.R. Politicheskaya reprezentatsiya. Moscow, HSE Press, 2012, 288 p.].
- [14] Elster J. *Sour Grapes: Studies in the Subversion of Rationality*. Cambridge, Cambridge University Press, 2016, 192 p. [In Russ.: Elster J. Kisly vinograd: Issledovanie provalov ratsionalnosti. Moscow, Izd. Inst. Gaydara Publ., 2018, 296 p.].
- [15] Bauman Z. *Globalization: the human consequences*. New York, Columbia University Press, 1998, 160 p. [In Russ.: Bauman Z. Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva. Moscow, Ves Mir Publ., 2004, 188 p.].
- [16] Benjamin W. *Zur Kritik der Gewalt. Vol. 2.1. Gesammelte Schriften*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1972–1989.
- [17] Maltsev K.G., Maltseva A.V., Lomako L.L., Alaverdyan A.L. *Ponyatie politicheskogo i «mirovoy besporyadok»: perspektivy soglasiya, voyny i globalnogo imperskogo poryadka* [The concept of political and «world disorder»: perspectives of harmony, war and global imperial order]. Belgorod, BSTU named after V.G. Shukhov, 2020, 914 p.
- [18] Heidegger M. *Ponderings II–VI (Black Notebooks 1931–1938)*. Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 2016, 400 p. [In Russ.: Heidegger M. Razmyshleniya II–VI (Chernye tetradi 1931–1938). Moscow, Izd. Inst. Gaydara Publ., 2016, 584 p.].
- [19] Heidegger M. *The Question Concerning Technology and Other Essays*. New York & London, Garland Publishing, Inc., 1977, 224 p. [In Russ.: Heidegger M. Vopros o tekhnike. In: *Vremya i bytie: Stati i vystupleniya*. Moscow, Respublika Publ., 1993, pp. 221–238].
- [20] Maltsev K.G., Maltseva A.V. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment — Proceedings of South-West State University. Series Economy. Sociology. Management*, 2020, no. 5, pp. 220–233.

Lomako L.L. (b. 1971), Assist. Professor, Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov. e-mail: parmenid@bk.ru

Maltsev K.G. (b. 1970), Dr. Sc. (Philos.), Professor, Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov. e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Maltseva A.V. (b. 1969), Cand. Sc. (Polit.), Assoc. Professor, Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov. e-mail: pavic69@mail.ru